

Иосиф Бродский в Польше

В своей речи 22 июня в Катовице, в Силезском университете, по поводу присвоения ему докторской степени «honoris causa» Иосиф Бродский сказал, что Польша для него — скорее состояние ума или сердца, чем реальное государство.

И все же та Польша, что собиралась в битком набитых залах на авторских вечерах великого русского поэта, несла для подписи его книги, а среди них — и изданные неподцензурными издательствами в былые годы, та Польша, замороженно следившая за его странным для непривычного уха чтением стихов, понимая и не вполне понимая его парадоксы, — это было, конечно, не государство, но вполне реальное сообщество людей со своей внутренней связью, определенной далекой и близкой историей, традициями своего определенного отношения к вызовам действительности, своей литературой и специфическим типом воображения.

В этом воображении уже многие годы важное место занимает петербургский поэт Бродский. Разве это случайно, что именно здесь его стихотворения переводились и расходились раньше, чем где бы то ни было в мире, что польские поэты и переводчики тянулись к нему, провозили тайком его произведения через границы государств и, перевод на польский, издавали в обход цензуры?

В своей речи Бродский говорил о польском инстинкте сопротивления, о способности к сопротивлению, об умении сопротивляться. Не этим ли, между прочим, объяснялось с самого начала увлечение Бродским в кругу польских писателей? Не тем ли, что они сразу ощутили глубокое духовное сродство: тот же инстинкт, та же способность и умение, к тому же воплощенные в небывалую, невероятную, бескорыстную красоту? И не по ней ли мы безотчетно тоскуем: по бескорыстной красоте, вырастающей из сопротивления злу, уродству?

Потому-то Бродский, так воспринимаемый поляками, так любимый и чтимый ими, был вправе дать слушателям в дальнейшей части своей катовицкой речи предостережения и советы:

Теперь вам предстоит совсем другая игра. Теперь у вас уже нет удобного внешнего врага или олицетворенного зла, столь же удобного, в виде государства. Теперь вы должны встать лицом к лицу с врагом в вас самих. <...> Как вы, вероятно, знаете, источник всяческого зла в человеке — его своекорыстие, которое неизбежно живет за счет других. <...> Противление своекорыстию, неустанная забота о других нуждаются в выработке иного инстинкта, чем сопротивление полицейскому государству. <...>

Единственное, которое приходит мне в голову, противодие себялюбию — хороший вкус и сомнение в себе самом. Эти черты не числятся в перечне прав индустриальных демократий; их плоды можно пожинать лишь с произведений искусства, особенно — литературы. В то время как негативный потенциал человека проявляется в преступлении, его потенциал добра находит выражение в искусстве — сфере, в принципе лишенной утилитаризма. <...> Если вы заботитесь о сохранении демократии, которая неизбежно ведет к определенной мере социального неравенства, предлагаю вам отвести литературе первое место в вашей республике.

Если такая программа кому-то покажется наивной, не будем спорить: ведь это наивность мудреца и поэта, побеждающая изощренное зло. Примем с должной благодарностью дар поэта.

В Катовице Бродский говорил по-английски, считая, что поляки болезненно реагируют на русскую речь. Потом удалось его убедить, что это не так. Аллергию может вызывать язык политического диктата и тупой доктрины, а не язык великолепнейшей поэзии, созданной человеком. На встречах в Варшаве Бродский говорил уже по-русски, что, быть может, мешало ему самому скрывать волнение, но нам помогало принять его и не сдерживать своего.

ВИКТОР ВОРОШИЛЬСКИЙ, Варшава, перевод с польского Л.К.